

Цинь Фэнге лежал на больничной койке и долгое время не мог заснуть. Священный лунный свет сиял на его теле, отчего он выглядел таким подавленным.

Цинь Фэнге не мог вспомнить, сколько раз он приходил в больницу для лечения, но это определённо отличалось от предыдущих боев. Если бы не своевременное прибытие Гао Янчэня и Хэ Хунго, его судьба была бы трагической.

Потеряв руки, он больше не смог бы играть на гитаре. Для Цинь Фэнге, любившего музыку, это, несомненно, было самым болезненным ударом.

Цинь Фэнге крикнул Гао Яну, сидевшему в стороне: «Брат Гао, который час?»

Гао Ян посмотрел на свои часы. «Три часа ночи, ещё рано, тебе стоит немного отдохнуть».

Цинь Фэнге изо всех сил попытался сесть. «Я не могу уснуть. Помоги мне выйти подышать свежим воздухом и выкурить сигарету».

Гао Ян поддержал Цинь Фэнге в саду за пределами больничного здания. Омытые сильным дождём, каждая травинка и каждое дерево здесь, казалось, имели свой собственный дух.

Цинь Фэнге сделал несколько глубоких вдохов прохладного и свежего воздуха, прежде чем взять сигарету у Гао Яна. «Большой брат Гао, как дела у Дахаи?»

«У Дахаи находится в другой палате, его охраняет один из наших братьев», - сказал Гао Ян. «Его травмы более серьёзны, чем у тебя, несколько травм мягких тканей, переломы рёбер, кровотечение из пищеварительного тракта и лёгкое сотрясение мозга.»

«Море оказался в таком состоянии из-за меня. Это была моя халатность, всё из-за меня...» После того, как Цинь Фэнге узнал о травмах У Дахая, он не мог не винить себя.

Гао Ян посоветовал: «Маленький Цинь, не думай так! Поскольку это уже произошло, тебе следует смотреть в глаза этому спокойно».

«Ах да, Большой Брат Гао, откуда ты знаешь этого директора общественной безопасности?»

Гао Ян медленно рассказывал всю историю с Хэ Хунго.

После того, как он услышал об отношении мужчин, Цинь Фэнге поднял палец вверх. «Брат Гао действительно мужчина. Даже столкнувшись с пулями, он всё ещё смог выжить! Маленький Цинь впечатлён!»

Гао Ян усмехнулся и ответил: «Маленький Цинь, ты на самом деле не так прост, как я думал. Рисковать своей жизнью ради своего друга, это не каждый сможет сделать».

«Вовсе нет. По сравнению со Старшим братом Гао, Маленький Цинь всё ещё далёк от героических поступков!» Цинь Фэнге внезапно подумал о чём-то другом, он притворился и опустил лицо, и спросил: «Однако Большой Брат Гао не тот, кто держит своё слово. Он сказал, что поможет мне сохранить мою тайну, но, в конце концов, он всё же рассказал другим...»

Гао Янчэнь с гордостью сказал: «Если мне не изменяет память, ты только сказал не сообщать об этом случае Ван, Чжоу и Чжэну. Я только нашёл отца Хэ Цзюньцзе и не думаю, что это нарушение обещания, правда?»

«Ты действительно хитрый лис! Но спасибо!» Сказал Цинь Фэнге.

«Как можно упоминать такую мелочь? Маленький Цинь, ты слишком вежлив».

Во время разговора они начали говорить о своих семьях. Цинь Фэнге спросил: «Откуда ты, старший брат Гао? Какую работу выполняют твои родители?»

Услышав это, Гао Ян почувствовал небольшое разочарование. Через некоторое время он неохотно сказал: «Я...я сирота и вырос в приюте. А узнал я, где мои биологические родители, уже после того, как вырос...»

«Прости, Большой Брат Гао, я не хотел поднимать эту печальную тему!» Цинь Фэнге поспешно извинился.

Гао Ян махнул рукой. «Ничего, я уже привык чувствовать себя одиноким... Хочешь узнать о моём прошлом?»

Цинь Фэнге кивнул.

Гао Ян продолжил: «Когда я был молод, у меня было неопишное чувство в моём сердце, когда я видел, как другие дети проскакивали мимо меня, держась за руки своих родителей. С тех пор как я потерял заботу моих близких, я видел только холодные глаза сотрудников детского дома ...

Тогда я не мог понять, почему одни были так счастливы, и почему я был таким беспомощным. Позже, когда я вырос и вышел из детского дома, то умолял начальника детского дома дать мне информацию о моих родителях, когда меня отправили в детский дом, и хотел найти некоторые подсказки о них.

Директор детского дома сначала не соглашался, но всё-таки не смог сопротивляться моим уговорам, поэтому он сделал исключение и показал мне личное дело.»

"А потом? Ты нашёл своих родителей?"

"Подсказки в материале тривиальны, но я решил найти своих биологических отца и мать, основываясь на этих нескольких подсказках. Несколько лет спустя, благодаря моим собственным усилиям, я наконец нашёл своего дядю. Позже, когда мой дядя привёл меня на могилу моих родителей, я понял, что оба моих родителя умерли, когда я был ещё очень маленьким».

"Из-за чего? Болезнь или несчастный случай? - с тревогой спросил Цинь Фэнге.

Гао Ян покачал головой. «Все это неправда. Мои родители были интеллектуалами, но в тот особый исторический период их называли «контрреволюцией». В конце концов, они не выдержали унижений и покончили жизнь самоубийством.

Они умерли, а добрый человек бросил меня перед детским домом, чтобы я не умер с голоду и не замёрз».

Цинь Фэнге никогда не знал такой эпохи, поэтому ему было неудобно судить об этом. Он продолжал спрашивать: «А потом? Ты жил со своим дядей?»

«Нет, я был уже достаточно самостоятельным и взрослым, и тогда я пошёл в солдаты. Я хорошо зарекомендовал себя во время службы, и меня отправили в военное училище.

Но вскоре после того, как я прибыл в военное училище, то обнаружил, что моим инструктором на самом деле был парень, который использовал своё положение, чтобы получить свой личный кабинет. Я храбро разоблачил его, тем самым оскорбив одного из его могущественных покровителей.

Естественно, меня выгнали из военной академии, демобилизовали и отправили домой».

Цинь Фэнге был в ярости, когда услышал это. Он ударил кулаком по дереву и тихо пожаловался: «Я знаю только, что многие чиновники коррумпированы и берут взятки. Но я никогда не думал, что даже солдаты будут коррумпированы. Это общество слишком страшное!»

Гао Ян продолжил: «Когда я вернулся в дом своего дяди, он был уже серьёзно болен. Для меня это был шок, потому что мой дядя был единственной моей семьёй, которая у меня была.

Я часто спрашивал себя: «Почему хорошие люди рано уходят из жизни, а плохие люди живут долго? Почему мир такой несправедливый?»

С тех пор я был полон решимости быть плохим человеком и отомстить всему обществу!» В этот момент глаза Гао Яна наполнились гневом.

Цинь Фэнге согласно кивнул и сказал: «Совершенно верно, никто не рождён, готовый стать хулиганом и жить жизнью страха и беспокойства. Всё это было изгнано из общества!»

Гао Ян вздохнул: «Ай! Я никогда никому не рассказывал о своём прошлом, и не знаю почему, но когда я увидел тебя сегодня, то не мог не выпустить своё сердце».

«Редко, когда Большой Брат Гао готов доверять мне, относиться ко мне как к другу и так много говорить со мной».

«Маленький Цинь, честно говоря, я действительно восхищаюсь тобой. Если ты не возражаешь против Старшего Брата Гао, я думаю... Если мы станем братьями по присяге вместе с тобой, как бы ты к этому отнёсся?» - спросил Гао Ян.

Цинь Фэнге был вне себя от радости. «Моя удача - стать братьями с кем-то вроде Старшего Брата Гао. Как я могу пренебрегать этим?»

Они двое встали и посмотрели на восходящие утренние облака на востоке. Они поклялись, взяв за руки друг друга!

- -

Как гласит пословица: «Хлеб в бумаге не горит». Несколько дней спустя новости о том, что Цинь Фэнге и У Дахаи получили ранения и находятся в больнице, дошли до Ван Шийин и компании. Когда они узнали об этом, они почувствовали стойкий страх, особенно за Ван Шийин, глаза которой покраснели от слёз.

Узнав об этом, они обсудили это и решили вместе на выходных посетить Цинь Фэнге и У Дахая.

После нескольких дней наблюдения У Дахаи избежал опасности и был переведён в обычную палату, где стал «соседом» Цинь Фэнге.

Поскольку больница, в которую они оба лежали, была небольшой, а палата очень маленькой, в выходные дни больница позволяла заходить в палату только одному человеку, и каждый

человек мог быть в ней не более пятнадцати минут за один раз.

Это было сделано для поддержания порядка в больнице, а также для того, чтобы пациент мог достаточно отдохнуть.

Первым, кто вошёл в палату, естественно, была маленькая красавица Ван Шийин. Когда Цинь Фэнге увидел её фигуру, он сначала опешил.

Увидев корзину с фруктами в руках, он поспешно сел на кровать и лицемерно сказал: «Посмотри на себя, что за настроение? Просто иди ко мне. Ой, этот банан выглядит неплохо, дай мне большой ...»

Ван Шийин закатила глаза на Цинь Фэнге и сказала: «Не будь таким сентиментальным. Кто хочет видеть такого жестокого и беспринципного человека, как ты? Я здесь, чтобы выразить свои соболезнования одному У Дахаю!»

После того, как она закончила говорить, она легко обошла кровать Цинь Фэнге и села на стул напротив У Дахая. Она с беспокойством спросила: «Дахаи, твои травмы теперь лучше? Эти фрукты - просто знак моей признательности, пожалуйста, прими их!»

<http://tl.rulate.ru/book/42649/1101609>